

Марина

СЕРОВА

**Тайна
мещената**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Тайна мецената

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Тайна мецената / М. С. Серова — «Эксмо», 2019 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-04-103281-4

Провинциальный художник Вольдемар Огородников просит частного детектива Татьяну Иванову разыскать его картину. Он договорился продать ее богатому англичанину, и как раз во время фуршета по этому случаю полотно украли! Огородников уверен, что сделать это мог только его конкурент, художник Садальский, который якобы давно завидует таланту гениального живописца. Но Татьяна понимает, что Вольдемар — полная бездарность и его картины ничего не стоят. Но что же тогда нужно похитителю?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103281-4

© Серова М. С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Тайна мецената

Пролог

Большие настенные часы мерно отстукивали секунды, монотонные звуки служили неким угнетающим аккомпанементом к стонам, доносившимся из спальни. Мраморный камин обогревал роскошно обставленную комнату, тогда как за окнами свирепствовала настоящая русская зима. Морозный зимний вечер дополняли завывания вьюги, которая грозила заморозить любого смельчака, неосмотрительно вышедшего за пределы уютного дома, и покидать теплое помещение совершенно не хотелось. Зима задержалась в этот год надолго, словно она и вовсе не собиралась уступать место весне, а намеревалась остаться вплоть до лета, которое наверняка не порадует столь долгожданным теплом.

Но не о погоде сейчас думала Катерина, бежавшая по второму этажу дома к своей хозяйке. В руках у нее был графин с холодной водой – стакан находился в спальне. Ох и напрасно же граф уехал из усадьбы, думала про себя Катерина. Напрасно забрал с собой остальных слуг, оставив жену, которая и так слегла от переживаний и волнений. Теперь же ей становилось с каждым часом все хуже и хуже. Доживет ли госпожа до рассвета? Катерина упорно гнала от себя плохие мысли. Доживет, она должна дожить, не может быть по-другому! Бог не оставит ее, ведь она так истово в него верит, она каждое воскресенье ходит в церковь на службу, в доме столько икон, да и вообще, графиня – очень добрая женщина, она ведь всегда помогает бедным! Почему она должна умирать – вот так, одна, без мужа, в почти пустом и таком унылом сейчас доме?!

Несколько лет назад в особняке постоянно бывали гости, проходили балы, не смолкали звуки фортепиано, на котором умело музицировала хозяйка. Катерина отдала бы все на свете, только б графиня снова села за инструмент, снова сыграла свою любимую сонату – такую трогательную и нежную, берущую за душу. А теперь – нет ни гостей, ни танцев, ни музыки, только завывания вьюги да душераздирающие стоны графини, которая... которая доживет ли до восхода солнца?...

– Катя... Катя, подойди... – расслышала служанка затухающий, как огарок свечи, измученный голос хозяйки. Катерина буквально вбежала в комнату, даже не заботясь о том, как бы не расплескать воду.

– Сейчас, госпожа, сейчас я вам налью воды... – засуетилась девушка.

Катерина была моложе своей хозяйки – ей скоро должно было исполниться двадцать лет, но служила она в доме давно и уже жизни не мыслила без своих господ. Конечно, по-хорошему, ей давно надо было выйти замуж, но из-за бедности семьи девушке пришлось пойти на службу в дворянскую усадьбу. Да только привязалась Катерина к хозяевам, а в особенности к графине, и совсем не хотелось ей как-то менять свою жизнь. Но сейчас – сейчас уже произошли жуткие необратимые изменения не только в судьбе Катерины и графини, но и в судьбе целой страны. Становилось все тяжелее и страшнее жить, и молодой служанке казалось, что вся ее налаженная жизнь разваливается на части – сначала одни тревожные перемены, теперь – другие. К чему, к чему все это приведет? Неужели Бог, в которого так верили и она, и ее госпожа, позабыл про них? Отвернулся, занялся какими-то другими делами, а их оставил? Неужели это возможно? Это несправедливо, нечестно, ужасно...

– Катя, не надо воды... – услышала молодая служанка слабый голос хозяйки. – Дай мне икону...

Катерина сразу поняла, какую именно икону просит графиня. У нее имелась своя любимая, на которой был изображен лик Богоматери с Младенцем. Катерине тоже нравился этот образ, несмотря на то что икона была очень старая. Но сохранилась она превосходно – поражала своей красотой большая серебряная риза, инкрустированная крупными аметистами и старинной, какой-то особой эмалью, на которой была написана история иконы. Венчик был выложен горным хрусталем, кое-где добавлены другие чудесные самоцветы. Но не за драгоценные камни графиня так любила икону, а за то, что образ Божьей Матери словно источал любовь, доброту и прощение. Катерина не раз видела, как хозяйка разговаривала с иконой, точно та была живым человеком. Она не только просила Богоматерь о чем-то, но и рассказывала ей о своих опасениях, сомнениях, спрашивала совета. Когда графиня обращалась к иконе, окружающие для нее словно переставали существовать, она забывала обо всех, кроме Святого лика. В тот момент на глаза графини часто набегали слезы, однако после своей своеобразной молитвы она успокаивалась и сама словно становилась возвышенной и неземной, как и Дева Мария. И сейчас, возможно, хозяйка поговорит с иконой, и ей станет легче, и уйдет мучающая ее боль, и исчезнет смятение...

Катерина громко опустила графин на стол, так, что из него даже пролилась вода, бережно, едва ли не со страхом, взяла со специального столика икону, перед которой графиня ставила свечку. Девушка осторожно поднесла икону к кровати бледной, словно полотно, хозяйки. На лбу ее выступил пот, глаза ввалились. Когда-то свежее, такое красивое и молодое, лицо теперь напоминало восковую маску. Катерина знала, что хозяйка всегда молится в одиночестве, и поэтому пыталась установить икону на стул, чтобы графине был виден лик. Но хозяйка только покачала головой и прошептала:

– Катя, не уходи... останься...

Катерина послушно села на стул, по-прежнему с трепетом держа икону. Не уронить ее боялась, а как-то взять неправильно, небрежно, так, что Святая Богоматерь рассердится на нее. Была бы воля Катерины, она и вовсе бы оставила икону на столике, где той и полагается быть. Но сейчас-то молодая служанка подчинялась не святым и не ангелам, а вполне смертной графине, которая просила взять икону, и про себя Катерина надеялась, что ее простят за не слишком почтенное обращение со святыней. Хозяйка не стала читать ни молитв, ни акафистов, которые знала наизусть, а прошептала, обращаясь к Богородице:

– Прости меня, Божия Матерь... Как же я без тебя буду, милая моя, Матерь Божья... Не оставляй меня одну...

Последние слова потонули в страдальческом, полном боли стоне, который графиня не смогла сдержать. Прежде Катерина опасалась, что из-за того, что хозяйка рожала в не слишком подходящем для этого возрасте, ребенок мог родиться мертвым. Но сейчас ей было не до младенца хозяйки – да бог с ним, с ребенком, как ни грешно это говорить! Пусть только графиня жива останется, ведь куда младенцу без матери-то? Одна Катерина не справится, да и не рожала она никогда, опыта у нее никакого... Пусть только хозяйка жива будет...

– Катя... – прошептала с трудом графиня. – Возьми ее... Теперь она с тобой будет, она все слышит, ты только не забывай про нее... Говори с ней почаще, и она тебе помогать будет... Как и мне...

– Да что вы, что вы, госпожа! – запричитала Катерина. – Как же так-то? Нет-нет, не возьму я ее, она ваша, вам пригодится! Да на что мне такая икона, я же простая девушка, не из дворян...

– Катя, возьми, это моя последняя воля... – перебила ее графиня более твердо, но по-прежнему шепотом. – Божья Матерь меня к себе зовет, здесь мой путь окончен... Я за ней пойду, там я и мой сын будем счастливее, чем здесь... А тебе Она останется, в память обо мне...

«В вечную память», – пришли на ум Катерине слова из песнопения об усопших, которые она слышала по окончании обычной литургии. Девушка испугалась своих мыслей, погнала их прочь, но вьюга за окном точно повторила печальный напев. «В вечную память, да помянет Господь Бог во царствии своем»...

Графиня уже не стонала, и лицо ее переменилось. Не было в нем той боли, тех мучений – напротив, она словно улыбалась и была такой же возвышенной и спокойной, как и Божья Матерь на иконе. Все смолкло – только часы по-прежнему мерно тикали, а на священный лик Богоматери капали непрерывные, горячие слезы...

Глава 1

Я яростно терла уже въевшееся в блузку темно-зеленое пятно, про себя проклиная тот момент, когда согласилась помочь Ленке с выбором подходящего платья для предстоящего торжества. «Ленка-француженка», как я зову ее, моя давняя подруга, с которой мы периодически общаемся. В последнее время, правда, мы видимся куда реже – то у меня работа, то у нее неотложные дела, однако время от времени мы вместе выбираемся куда-нибудь в кафе, опять же по инициативе Ленки. Несмотря на то что по долгу службы я общаюсь с огромным количеством людей, в обычной жизни я не стремлюсь с кем-то встречаться, предпочитая проводить свободные дни в одиночестве. Нет-нет, я не унылый интроверт-одиночка, как может показаться. Просто порой настолько устаю от людей, что хочется побыть одной, почитать, скажем, хорошую книгу или посмотреть фильм. Но от приглашения подруги встретиться не отказываюсь – раз ей хочется, почему бы и нет? Правда, сегодня я совершила огромную ошибку, за которую сейчас и расплачиваюсь...

Все началось с вполне безобидного Ленкиного звонка. После обычного обмена приветствиями подруга поинтересовалась моими планами на сегодняшний день. Планов у меня никаких не было, о чем я неосторожно и сообщила Ленке.

– Отлично! – заявила та с энтузиазмом. – Тогда сможешь мне подобрать платье! Понимаешь, пригласили на коктейльную вечеринку, а я представления не имею, что надеть! Вот и решила пройтись по магазинам, а одной скучно... А ты как раз мне компанию составишь!

В принципе я прекрасно знала, что поход с Ленкой по магазинам затягивается надолго, однако раз подруга просит, ладно, так и быть, буду шляться с ней по бутикам. В конце концов, в настоящее время работы у меня пока нет, я абсолютно свободна, как говорится, до пятницы.

Но откуда мне было знать, что после того, как мы наконец-то подберем подходящий наряд, Ленка предложит забежать к ней домой «попить чаю», отпраздновать покупку? Опять-таки, я согласилась, даже не подозревая, чем все это обернется.

Чай мы попили, покупку, так сказать, обмыли. И в целом все могло бы закончиться неплохо, если бы не одно обстоятельство. С утра Ленке взбрело в голову побаловать семью домашними пирожками – готовит она их очень редко, а сегодня, поди ж ты, вздумала кашеварить. Подруга замесила тесто и оставила его набухать, а сама побежала на поиски платья. И когда мы уже допивали свой чай вприкуску с шоколадными конфетами, Ленка внезапно вспомнила про тесто.

– Ой, Танюш! – воскликнула она трагическим голосом. – Пирожки ж надо делать! Скоро Оля с Машкой придут из школы, я к их приходу хотела успеть! Кошмар, ничего не успеваю! Таня, выручай!

– Да ты что, я не умею готовить! – запротестовала я с ужасом. – Выбрать платье – это одно, но пирожки я при всем желании тебе не смогу помочь испечь. Я их в жизни не делала!

– Все когда-то случается в первый раз! – заявила подруга. – Ничего сложного, тесто-то я замесила. Надо попросту сделать начинку и налепить их, а потом – дело техники!

Я твердо решила отказаться от столь опасной затеи – заставить частного детектива Татьяну Иванову кашеварить – и сказала, что мне пора домой, работа ждет.

– Но ты же говорила, что свободна! – напомнила мне Ленка. – Танечка, ну пожалуйста, пожалуйста, помоги мне! Что хочешь для тебя сделаю, ну представь – придут мои девчонки из школы, им надо будет уроки помогать делать, и я вообще ничего не успею! У меня сегодня единственный выходной, потом снова занятия, и я так и не сделаю пирожки! А так хотелось! А то дочки и не подозревают, что их мама умеет готовить, представляешь, как они обрадуются? Я и тебе дам с собой, домашних! Где ты такие купишь?

Сопротивляться было бесполезно – Ленка работает учителем, и язык у нее подвешен так, что она ловко может заставить любого делать то, что ей нужно. Даже на меня распространялись ее чары, хотя я прекрасно знала об этом таланте подружки и могла принять хоть какие-то меры, дабы уклониться от навязываемых ею дел. Но что-то случилось со мной в тот день – решила, что с меня не убудет, если помогу Ленке налепить ее злосчастные пирожки, а потом со спокойной совестью поеду домой.

Эх, надо было мне послушаться свою интуицию и быстренько смотаться из Ленкиного дома. Но, увы, я осталась, и подружка запрягла меня вначале чистить картошку для начинки. У меня, конечно, богатое воображение, но даже в самых смелых своих фантазиях я никогда не могла себя представить в фартуке, с ножом в руке и с тазиком картошки. Ленка мои возражения не слушала и только ободряюще заявила, что чистить картошку умеет даже ее младшая дочка.

– Таня, тебе уже скоро тридцатник исполнится, а ты не можешь делать такие простые вещи! – пристыдила меня она. – Чему тебя только родители учили?

– Во-первых, тридцать лет мне еще не скоро будет, – поправила я подружку. – А через три года. И во-вторых, сейчас не те времена, когда нужно уметь готовить. Я прекрасно живу и без этого – мне не хочется тратить время на бесполезное занятие, и потом, есть куча кафе и ресторанов, где спокойно можно купить любое блюдо.

– А как же домашняя еда? – вскинулась Ленка. – В ресторанах тебе подадут невесть что, только представь: твои блюда готовят грязными руками китайцы, в пирожках можно обнаружить тараканов, а любимыми твоими суши и роллами запросто отравиться или получить в организм паразитов!

– Но я не хожу в рестораны, где готовят еду китайцы с грязными руками! – запротестовала я. – И не покупаю пирожки с тараканами!

– В общем, давай без лишних слов, – прервала мои оправдания подруга. – Чисть картошку!

Но на первой же картофелине я умудрилась довольно сильно порезаться – не рассчитала собственных усилий и остроту ножа и саданула себе прямо по большому пальцу. Ленка всплеснула руками, засуетилась, облила мой кровоточащий палец перекисью водорода. Кое-как залепив рану пластырем, я с тоской посмотрела на подругу. Та махнула рукой – что с тобой сделаешь, с неумехой такой! – и сама принялась чистить злополучную картошку.

– Сейчас ее надо сварить! – заявила подружка. – Ладно, смотри и учись. Пока я жива!

Она поставила на плиту кастрюлю с водой, куда порезала клубни, а сама занялась чисткой лука. Когда Ленка уже нарезала овощ на доске (ох и едкий же, зараза!), в дверь позвонили. Подружка всплеснула руками и воскликнула:

– Девчонки из школы вернулись! Так, Таня, лук обжарь пока, я пошла открывать. Мне и дневники проверить надо!

Я не успела предложить Ленке свою кандидатуру для изучения школьных оценок ее дочерей – та уже убежала в коридор, оставив меня наедине с кастрюлями и сковородками. Делать нечего – я зажгла газ, поставила на плиту сковороду с луком. Однако Ленка не сообщила мне ничего о состоянии своей плиты – в частности, я не знала, что одна горелка на ней не работает. Поэтому, когда вспыхнула яркая вспышка пламени, я перепугалась, что устроила пожар, и, недолго думая, залила горелку водой. Та мерзко зашипела, в нос ударил противный запах гари. Я резко повернулась в сторону, чтобы налить еще воды во избежание пожара, и ненароком опрокинула сковородку с луком. Чертыхаясь и ругаясь на чем свет стоит, я принялась подбирать с пола кусочки лука, чтобы успеть до появления Ленки. Увы, сей фокус не удался – подружка вошла в кухню и узрела все произведенные мною разрушения. Сомневаюсь, что увиденное порадовало ее: шипящая горелка, булькающая кастрюля с картошкой (слишком сильно включила газ) и я – собираю раскиданный по полу лук.

– Так, все понятно, – заявила Ленка. – Таня, лучше уйди из кухни, тебе здесь находиться противопоказано. Помоги лучше Машке – у нее по изо задание, надо пейзаж нарисовать. Просто найди ей картинку из Интернета и проследи, чтобы она красками не перемазалась!

Я попыталась вразумить подругу и объяснить, что рисую я точно так же, как и готовлю, то есть совершенно не имею к этому способностей, однако подруга буквально вытолкала меня из кухни, пока я еще чего-нибудь не натворила. Я порывалась уйти домой, но Ленка громко провозгласила:

– Маша, тетя Таня сейчас поможет тебе с рисованием. Наливай воду, открывай краски, на кухню не заходите и не мешайтесь!

Ленка явно была рассержена – то ли моей неловкостью, то ли оценками дочек, поэтому спорить с ней сейчас было бесполезно. Маша, двенадцатилетняя Ленкина дочурка, с радостью побежала за водой, громко напевая какую-то песенку. Другая девочка, постарше, уныло потащила свой рюкзак в свою комнату – тоже, видимо, собралась делать домашнее задание. Мне ничего не оставалось, кроме как пройти за Машкой в ее комнату и помогать ей выбрать картинку в Интернете.

Наши потуги закончились тем, что девочка умудрилась обляпать мою девственно-белую блузку зеленой краской, и я побежала в ванную отстирывать пятно. Положение мое было плачевно: перебинтованный палец, измазанная одежда... Даже в погоне за преступниками я обычно не получаю столь катастрофического ущерба, как при общении с Ленкой и ее дочурками.

Застирывая безнадежно въевшееся пятно, я раздумывала про себя, как бы мне незаметно смыться из Ленкиной квартиры, пока не произошло еще что-нибудь. Я уже собиралась выйти из ванной и заявить подруге, что меня ждут крайне неотложные дела, о которых я внезапно вспомнила, как неожиданно зазвонил мой мобильник. Как раз вовремя – мои руки были в пене от порошка, и я принялась быстро смывать чистящее средство, чтобы взять телефон.

Номер был незнакомый, и во мне проснулась надежда. Может, это новый клиент? Ох, сейчас я ему была рада как нежданному спасителю. Хоть кто-то избавит меня от приготовления пирожков и уроков рисования с Машкой.

– Здравствуйте, могу я поговорить с частным детективом Татьяной Александровной Ивановой? – раздался в трубке мужской голос. Я внутренне возликовала. Ура! Небеса меня услышали – судя по всему, у меня наклеивается новое дело.

– Да, я вас внимательно слушаю. – Я закрыла кран, чтобы у неизвестного мне потенциального клиента не возникло ощущения, что я разговариваю с ним, одновременно смывая что-нибудь в туалете. – Как могу к вам обращаться и по какому вы ко мне вопросу?

– Думаю, мое имя вам известно, – заявил мужчина. – Меня зовут Вольдемар Огородников. Можете обращаться ко мне без отчества – просто Вольдемар, я привык к такому обращению.

– Что ж, очень приятно... – Я немного замешкалась, соображая, с кем имею дело. Раз его имя должно быть мне известно, значит, господин Огородников – фигура знаменитая. Может, актер, шоумен или телеведущий? Представители богемы обращаются ко мне довольно часто, однако я не припомню что-то никакого Вольдемара Огородникова. Интересно, он по паспорту так зовется или это псевдоним?

– Напомните, пожалуйста, откуда мне может быть знакомо ваше имя, – попросила я. А может, никакая он не телезвезда, а попросту кто-то из его родственников ко мне уже обращался, и Вольдемар полагает, что я помню всех своих клиентов по именам и фамилиям?...

– Странно, что вы ничего обо мне не слышали, – заявил мой собеседник. – Мое имя у всех на слуху. А название картины – «Богиня огня» – вам-то уж точно о чем-нибудь говорит? Должны же вы были про нее слышать, не могли не слышать!

– Простите, конечно, но я не искусствовед и не ценитель живописи, – пояснила я. – Я частный детектив, поэтому мне позволительно не знать названий картин. Вы, я полагаю, художник, так?

– Именно, – подтвердил Вольдемар Огородников. – И скажу без ложной скромности, весьма известный. Помимо всего прочего, я являюсь председателем тарасовского Союза художников, а это должно о чем-то говорить! Мое произведение, название которого я вам озвучил, признано шедевром современного искусства. Собственно, о нем сейчас и пойдет речь. Мою картину, мое гениальное полотно украли! И потому я и хочу нанять вас – мне говорили, что вы один из лучших частных детективов в Тарасове. Картину нужно найти немедленно – она ведь почти продана, и человек, который хочет ее приобрести, обещал заплатить немалые деньги. Поэтому вы представляете срочность моего дела, так? За какое время вы найдете мою картину?

– Гм, для начала мне нужно выяснить обстоятельства преступления, – заявила я. Про себя подумала: экий приткий! Как будто дело раскрыть – как какой-нибудь курсовик накропать, насобирал материал, скомпоновал – и готово! Но я не собиралась объяснять Вольдемару Огородникову, как происходит процесс расследования преступлений – раз он художник, так пусть картины свои и пишет, а я буду заниматься своим делом. К тому же обсуждать детали происшествия в Ленкиной ванной не совсем удобно – все-таки я предпочитаю лично беседовать с новым клиентом, а не по телефону.

– Скажите, вам удобно встретиться сегодня? – поинтересовалась я. – Нам необходимо обсудить ваше дело при личной встрече, к тому же я хотела бы осмотреть место преступления. Когда была украдена ваша картина?

– Скорее всего, вчера вечером или сегодня утром, – ответил Огородников. – Я даже знаю, кто это сделал. Вам надо только представить доказательства того, что мою картину похитил этот наглец Садалский, да засадить его за решетку! Пускай поплатится за свою подлость и лицемерие!

– Садалский тоже тарасовский художник? – уточнила я.

– Художник! – презрительно повторил Огородников. – Да какой он художник? Маляр, который только и умеет, что краску переводить! Да таких, как он, даже в художественное училище не примут, грех так его называть! Самоучка несчастный, бесталанный писака, вот он кто!

– Итак, вы подозреваете именно этого Садалского, – оборвала я поток негодования своего собеседника. – А почему вы считаете, что этот... гм... человек украл вашу картину? У вас есть какие-то улики, свидетельствующие против него? Помимо того, что он является бездарным живописцем, как вы только что заметили?

– Улики! – снова повторил Вольдемар, по-прежнему ядовито. – Знаете, уважаемая Татьяна Александровна, если бы у меня имелись улики, я бы вас не нанимал! Я и хочу, чтобы вы нашли доказательства виновности Садалского, понимаете? Я про него много чего могу вам рассказать, и вы сами поймете, что картину стащил он и никто другой! Ох, наглец распроклятый...

– Ясно, – заключила я, понимая, что надо бы заканчивать разговор да спасаться бегством из Ленкиной квартиры. Будь я в других обстоятельствах, то сто раз подумала бы, братья ли за дело этого абсолютно ненормального, как мне показалось, Огородникова. Не внушал он мне никаких положительных эмоций, прямо скажу. Но там – кто знает, а вдруг дело окажется интересным? Для начала надо выяснить все обстоятельства, а там разберемся.

– Скажите, куда мне подъехать? – спросила я. – И мне бы очень хотелось осмотреть место преступления. Картина находилась на какой-то выставке?

– Нет, кража произошла у меня дома, что самое ужасное! – сказал Вольдемар. – Вот мне и интересно, каким образом Садалский проник в мою квартиру?! Скорее всего, воспользовался моментом, когда мы с гостями отправились в магазин. Наверняка у него имелся дубликат ключей, все спланировал заранее! Но я специально не убирался дома, оставил все как есть, чтобы

можно было осмотреть место преступления. Если бы до вас не дозвонился, нашел бы другого следователя, скажу я вам! Разыщите мою картину – подарю вам этюд с автографом, так и быть!

– Спасибо, но мне достаточно денежного гонорара, – скромно заметила я. – Вы ведь в курсе, сколько я беру за день работы?

– Да, прекрасно об этом осведомлен, – фыркнул Огородников. – Если бы вы знали, сколько долларов обещано за мой шедевр... Эх, главное найти картину, это может быть самым блестящим делом за всю вашу карьеру!

М-да, ну у него и самомнение, подумала я про себя. Явно от скромности не умрет. Вслух же я произнесла:

– Назовите адрес вашей квартиры, в которой находилась картина до ее исчезновения!

– Улица Митяева, дом тридцать два, – отрапортовал Вольдемар Огородников. – Второй этаж, квартира четырнадцать. Вы представляете, как сюда добраться? Или объяснить?

– Не беспокойтесь, адрес я найду, – заверила я художника. – Часам к трем, думаю, буду у вас.

– Хорошо, вас жду! – объявил Огородников и повесил трубку.

Я вышла из ванной, на ходу засовывая мобильник в карман джинсов. На кухне что-то кипело и булькало, Ленка бегала от плиты к столу и, по-видимому, была полностью поглощена процессом приготовления еды. Из Машкиной комнаты доносилась громкая поп-музыка, Ленкина дочка вовсю подпевала, при этом умудряясь так фальшивить, что уши сворачивались в трубочку. Похоже, девчонка не стала меня дожидаться, сама взялась за свой пейзаж, и мои услуги в качестве помощника были больше ей не нужны. Это радует, отметила я про себя и прошла на кухню.

На звук моих шагов Ленка обернулась – она обжаривала лук на сковороде.

– Что, уже нарисовали? – осведомилась подружка. Я пожала плечами.

– Машка рисует, а я зашла сказать, что мне надо идти. Клиент позвонил, работа.

– Ой, Танюш, жалко-то как! – всерьез расстроилась Ленка. – Я ж тебя пирожками не угостила – они не готовы пока, начинку вот делаю... Может, подождешь немного? Мне тут совсем чуть-чуть осталось, картошка сварилась, сейчас миксером быстренько ее в пюре превращу, напомним с тобой пирожки, и в духовку. За час точно управимся!

– Нет-нет! – поспешила отказать я, с ужасом представляя себе, что сейчас моя хозяйственная подруга нацепит на бедную Таню Иванову фартук и заставит ее возиться с мукой и тестом. – Увы, не могу никак задерживаться, работа, сама понимаешь! С радостью бы осталась, но труба зовет!

– Эх, да что ж твои клиенты так не вовремя! – продолжала сокрушаться Ленка. – Не могли они позже позвонить, а? В кой-то веки собрались с тобой кулинарией заниматься, и вот тебе раз...

Я церемонно раскланялась, про себя вознося хвалу Огородникову, что он позвонил так кстати. Получается, и Ленка не в обиде на меня, и я спасена от горькой участи лишиться пальцев под кухонным ножом или получить еще какую травму. Жаль только, что блузка безнадежно испорчена, но ничего – у меня с собой теплый свитер, который я позаимствовала у Ленки. Пожелав подружке успехов в процессе создания домашних пирожков, а Машке – творческих побед на живописном поприще, я поспешила одеться и откланяться.

Осень давно вступила в свои права, и погода в Тарасове сейчас чем-то напоминала унылое питерское межсезонье. Мне приходилось бывать в Северной столице, и всякий раз, когда я там оказывалась, непрерывно шли дожди, а небо было затянуто серыми тучами. Сейчас в нашем городе царствовала именно такая меланхоличная «красота» – простор для депрессии и упаднических настроений. На меня, собственно, погода никак не действует – я не являюсь метеозависимым человеком. Единственное, что мне не нравится, так это проливные дожди,

когда по всему городу разрастаются бесконечные пробки или стойкий гололед. Но опять-таки, я рассматриваю погоду с чисто практической точки зрения: если можно добраться, куда нужно, без всяких задержек и проволочек, то меня все устраивает.

Сегодня ливня не было, зато капал противный мелкий дождик. Я быстро добежала до своей «девятки» – с тех пор, как приобрела автомобиль, никогда не пользуюсь общественным транспортом. На худой конец, если вдруг моя машина находится в ремонте, беру такси, а в остальное время вполне комфортно передвигаюсь на личном транспорте. Автомобилисты меня поймут – со временем становится даже трудно себе представить, как вообще возможно обходиться без машины!

Я забила в навигатор название улицы и номер дома, которые сообщил мне Вольдемар Огородников, и прибор указал самый короткий маршрут до пункта назначения. Гм, если все верно, пробок нет, то доберусь я минут за пятнадцать, не больше. Ну и прекрасно, как говорится, раньше начнем – раньше закончим.

Я не ошиблась в своих предположениях – на улице Митяева я была уже около половины третьего дня и без всяких затруднений нашла дом под номером тридцать два. Художник со столь странным именем (все-таки я склонялась к мысли, что Вольдемар – творческий псевдоним, а в действительности Огородникова зовут Владимир. Ну или на худой конец Владислав) проживал в самом обычном девятиэтажном доме, каких в Тарасове понастроено великое множество. Что он там говорил? Второй этаж, квартира четырнадцать? Я набрала нужную комбинацию цифр, и вскоре домофон поинтересовался у меня мужским голосом, кто это. Я назвалась, и дверь сразу же открыли.

Поднявшись на второй этаж, я прошла к открытой двери, на пороге меня уже поджидал мой давешний телефонный собеседник. Я оглядела художника. Признаться, я иначе представляла себе его внешность. Вспоминая виденные мною фильмы о живописцах, да и вообще, учитывая мой опыт знакомства с творческими людьми, я составила свой собственный портрет «человека с красками». По мне, так художники в большинстве своем высокие, худощавые, непременно – тридцатилетние люди (почему именно такой возраст, не имею ни малейшего понятия), с густой шевелюрой где-то до плеч. Сейчас же я видела перед собой чудаковатого мужчину ростом чуть выше среднего, немного полного и обрюзгшего, с безумным выражением серых глаз, которые он к тому же усиленно тарачил. Волосы гениального живописца были совсем не густые и не длинные, а короткие, прямые, одежда же вызывала подозрения относительно его психического здоровья.

Одет Вольдемар Огородников был в джинсы и рубашку, поверх которых красовался заляпанный чем-то красным белый медицинский халат. Сей господин скорее напоминал какого-то безумного хирурга из фильма ужасов, который режет все, что попадет к нему под горячую руку. Однако вместо медицинского скальпеля в его правой руке была кисть, а приглядевшись повнимательнее, я поняла, что на халате – совсем не кровь, а обычная масляная краска. Должно быть, Вольдемар Огородников трудится над созданием очередной картины, решила я про себя. Видимо, я так долго ехала, что художник устал меня ждать и занялся творением нового шедевра. Как я поняла, меня Вольдемар представлял себе тоже несколько иначе.

– Татьяна Александровна Иванова? – уточнил он, смерив меня пристальным взглядом своих полубезумных глаз. Я кивнула.

– Я полагал, вы старше, – заметил Огородников. – Мне сказали, вы распутали порядка трехсот дел...

– У вас устаревшие сведения, – скромно отозвалась я. – Гораздо больше, я уже их не считаю.

– И что-то по вам не скажешь, что вы такой опытный частный детектив! – хмыкнул Вольдемар Огородников. Я не осталась в долгу.

– Ну, известного художника я себе тоже иначе представляла, – заметила я, едва сдерживая ехидную усмешку. – Внешность порой обманчива, тут уже ничего не поделаешь!

– Ладно, ближе к делу, – тотчас посуровел Огородников. – Вы хотели осмотреть место происшествия, пройдемте в квартиру. Я уже говорил вам, что оставил все, как есть, потому что думал вызывать полицию. Но, если честно, меня попросту выводят из себя все эти бумаги, документация, протоколы... Мне нужно отыскать картину, и точка! А заодно – засадить преступника за решетку. Думаю, вы меня понимаете?

– Да, мне ясны ваши пожелания, – сдержанно кивнула я. Вольдемар Огородников еще раз бросил на меня пронзительный взгляд своих вытарашенных до предела очей и направился в квартиру.

Обычно по размеру и обстановке прихожей можно сделать вывод об общем виде жилища. Как правило, обои в коридоре подбирают нейтрального цвета, но при этом они должны гармонировать с обоями в других комнатах. Однако при взгляде на коридор квартиры художника я поняла только одно: убираться здесь как-то не принято. Равно как и класть вещи на свои места, расставлять обувь или вешать верхнюю одежду. По-видимому, до господина Огородникова как-то не доходило, что куртки полагаются вешать на крючки или вешалки, а ботинки – ставить в специальный шкафчик или, на худой конец, на полку. Вероятно, живописец не подозревал об этом – в прихожей царил настоящий хаос. Я не придираюсь к раскиданной повсюду обуви и следам грязи, но позвольте узнать, что делают на тумбочке с зеркалом грязная тарелка и тубик краски? И неужели трудно поднять с пола шапку с шарфом?... Я поостереглась вешать свою куртку на вешалку – судя по всему, здесь все было заляпано краской и растворителем, в нос сразу же ударял характерный запах какого-то скипидара. Однако Огородников ни капли не был смущен состоянием своей квартиры, он показал, где оставить куртку, и даже не предложил мне какие-нибудь гостевые тапочки. Я, признаться, вовсе не хотела разуваться – слишком уж грязно было в квартире, поэтому я нагло осталась в уличных ботинках.

– Итак, перейдем к пропаже картины, – сказала я. – Расскажите, как все произошло: когда вы в последний раз видели ее, что происходило накануне вечером и сегодня утром, почему вы подозреваете этого Сададьского? Рассказывайте все, что знаете, мне нужны все детали.

– Мы можем сразу пройти в гостиную, – проговорил Огородников. – Именно там находилась моя работа, и она, не побоюсь этого слова, является настоящим шедевром нашего времени! Это не только мое мнение, так говорят все, кто видел мою картину!

Вольдемар гордо прошествовал в гостиную, я последовала за ним. Если в коридоре и царил бардак, то комната, очевидно, служившая гостиной, представляла собой настоящее воплощение хаоса. Да, подумала я, мало того, что и до происшествия гостиная, скорее всего, напоминала склад всевозможных вещей, так еще теперь сюда добавилась и гора грязной посуды, и пустые бутылки из-под вина, портвейна и русской водки, и забытый какой-то дамой шарфик, и обилие скомканной одежды. Наверняка вчера вечером здесь не один час продолжалась бурная гулянка – это было понятно и без разъяснений Вольдемара.

Стены были сплошь завешаны холстами, при этом невозможно было разобрать, что именно изображено на каждом из них – «картины», очевидно, создавались путем выдавливания на поверхность толстого слоя краски и последующего ее размазывания пальцами, кистями и всем, что под руку попадет. Помнится, как-то я была на представлении в дельфинарии, и там главным номером было рисование картин дельфинами. Умные млекопитающие выпрыгивали из воды, набирали на хвост краску и швыряли ее на бумагу. Потом «шедевры» продавались посетителям на память – и причем за кругленькую сумму. Вот живопись сия и напомнила мне те самые картины дельфинов. Одно дело, если животное брызгается краской – да, это мило и забавно, однако когда подобное вытворяет разумный человек – это по меньшей мере кажется странным.

– Это ваши работы? – Я кивнула в сторону стены, ожидая услышать, что Вольдемар скажет, будто скупил произведения трехлетних детей, которым в руки попались тюбики с масляными красками. Сделал это, так сказать, благотворительности ради. Помог детскому дому, скажем, или совершил столь широкий жест ради поощрения детского творчества. Однако художник гордо подбоченился и, исполненный пафосного достоинства, кивнул.

– Да, это мои произведения, – самодовольно заявил он. Наверняка подумал, что я поражена подобным великолепием и только и мечтаю заполучить автограф выдающегося живописца. – Названия к ним скоро будут готовы, пока руки не доходят. Эти картины созданы мною за последний год. У каждой из них своя история, свое настроение. Но их трудно понять человеку малообразованному и ничего не смыслящему в живописи. Это знаете, как говорят, некоторые люди просто не доросли до понимания высокого искусства. Над каждым моим полотном надо думать, включать свой мозг, понимать каждый мазок... Увы, наше общество не столь образованно, большинство жителей нашего города – несчастные мещане, которые понимают лишь «открытки» – пейзажики там всякие и прочий ширпотреб. Но так было во все времена – гениев никогда не понимали.

– Ну-ну. – Я перевела взгляд на пол, где штабелями стояли холсты, также перемазанные краской. Видимо, не хватило места на стенах, вот Вольдемар и расставил их возле стен, прикрывая холстами разбросанные вещи. На ум пришли строки из советского мультфильма «Простоквашино»: «От этой картины есть толк – дырку в стене закрывать». Вот и полотна Вольдемара Огородникова закрывали если не дыры в стенах, то гипербеспорядок в комнате. Трудно поверить, но за обилием хлама можно было разглядеть вполне приличную мебель: шкафы, сервант с посудой (хотя она и стояла нетронутой, зато полки были покрыты толстым вековым слоем пыли), книжный шкаф... В середине гостиной располагался длинный прямоугольный стол, на котором живописно возлежали перепачканные миски с остатками салатов, грязные тарелки, опять же пустые бутылки с шампанским и даже чей-то фужер с остатками какого-то спиртного. Судя по состоянию стола, тут пиршествовала целая толпа – человек двадцать, а то и больше. И как они только поместились здесь? Среди гостей торжества явно находилось если не несколько, то хотя бы одна дама – иначе откуда в квартире взяться тюбику губной помады и вышеупомянутому женскому шарфику? Я предположила, что Вольдемар Огородников живет один, без супруги. Если, конечно, эта квартира – место его постоянного проживания. Но что, если я нахожусь сейчас в мастерской художника? Вот и объяснение беспорядку, обычно так всегда и бывает у творческих людей... Я решила внести ясность в свои предположения:

– Скажите, Вольдемар, вы тут живете? Или только работаете? Эта квартира – ваша мастерская?

– И да, и нет, – неопределенно хмыкнул живописец. – Я здесь одновременно и живу, и пишу свои картины. У меня есть возможность снять мастерскую, как это заведено у художников, но мне не хочется этого делать. Знаете ли, я пишу по вдохновению – скажем, представьте себе, вот сижу я дома, обедаю или пью утренний кофе. И тут – раз, пришла в голову идея! Мне надо срочно воплотить ее на холсте, срочно поймать музу – иначе она улетит, и все! Гениальное творение никогда не родится, понимаете? А теперь подумайте: разве удобно всякий раз, как только придет идея, бежать в мастерскую, даже если она находится в соседнем доме? А я, между прочим, готов работать даже рано утром или поздно ночью. Иногда случается – снится мне сон. Знаете, такой... Яркий, красочный сюр, как у Сальвадора, или что-то... гм, языческое, древнее, как магия... Я даже глаза разлепить не успеваю, а уже – за кисть и палитру... И пишу, пишу всю ночь напролет, пока не изолью все свои видения на холст. Поэтому у меня в моем доме всюду лежат холсты разных размеров – ведь не всегда композиция уместится в тот или иной формат... Эх, да вы, наверно, не поймете, раз вы не художник...

– Да уж, куда мне, – язвительно хмыкнула я. – Ладно, как я понимаю, живете вы один? Семья у вас есть? Жена, дети, родители?

– Пока жены нет, – покачал головой Огородников. Видимо, хотел добавить жесту трагичности, но получилось как-то нелепо и смешно. – Но у меня есть дама сердца. Она поклонница моего таланта. И, кстати говоря, именно она и послужила мне моделью для картины «Богиня огня», которую я и прошу вас отыскать!

– Понятно, – кивнула я. – А у вас есть фотография этой картины? Мне же надо знать, как она выглядела...

– О ней собирались даже в нашей газете писать, в «Тарасовских вестях», – гордо заявил Вольдемар. – Только пока не успели... Увы...

Ну-ну, вспомним анекдот про ребенка-пессимиста и оптимиста. Первому подарили игрушечную лошадку, а второму – конский навоз. Так вот, пессимист сокрушался: «Лошадка игрушечная, а я хотел настоящую!» А оптимист порадовался: «А у меня – настоящая, только убежала!» Прямо в точку, как раз про Огородникова!

– Покажите фотографию, если у вас есть. – Я не стала цитировать анекдот, дабы Вольдемар Огородников не разобиделся. Тот достал современный смартфон и ткнул пальцем в снимок.

– Вот она. Эх, только фотография не передаст всей экспрессии, всей динамичности, живости... Если бы вы увидели эту картину вживую, то уверен – стояли бы возле нее как замороженная! Она на всех такое впечатление производит – в ней что-то есть... такое, знаете, магическое, загадочное...

Может, зря я так насмехаюсь про себя над художником? Кто знает, вдруг эта самая картина и впрямь получилась у него нормальной? Он же является председателем тарасовского Союза художников, и я ни за что не поверю, что у нас в городе с искусством настолько все плохо, раз подобную огородниковскую мазню принято называть шедеврами. В нашем Тарасове имеется и художественное училище – мне довелось там побывать, нормальные натюрморты, портреты выставлены... На что уж я живописью никогда не интересовалась, но какие-то представления о хороших картинах у меня все же есть! Да и в музее художественном я тоже была, не все так плохо с Таней Ивановой, у которой аналитический мозг и математические способности!

Однако на фотографии я увидела лишь хаотичные красно-желтые мазки, которые к краям становились темнее и приобретали коричневый цвет. Мне еще раз пришел в голову вопрос: а чем размазывает краску Огородников? Явно не кистью. И даже не пальцами. Может, ногами? Встает на холст и выделяет на нем танцевальные па, изобрел, так сказать, новое направление в искусстве...

– А почему картина называется «Богиня огня»? – поинтересовалась я, стараясь скрыть свое скептическое отношение к произведению «гения». – Вы говорили, что вас вдохновила на картину дама вашего сердца? Вы ее тут изобразили, да? На фотографии мелко просто, лица не видно...

– Ну конечно же, здесь я и запечатлел мою будущую супругу! – с энтузиазмом закивал Вольдемар. – Видите, да? Ее глаза, улыбка, выражение лица... Она как огненная фея, огненное безумие, воплощение экспрессии, чувственности и страсти. Я подумываю о новой работе, которую назову «Испанская феерия». Я на ней изображу Елену в образе жгучей испанки, знаете, как она танцует? И красное платье, и алая роза в черных волосах... Это будет тоже шедевр современного искусства, вот увидите! За мою работу будут драться все музеи нашей страны, нет, я отвезу ее за рубеж, на всемирную выставку...

Свои бурные излияния восторга по поводу столь грандиозной идеи Вольдемар сопровождал просто безумной жестикуляцией. Я ожидала, что он даже начнет изображать, как испанская девушка танцует свой зажигательный танец и как развеивается ее пышная юбка. Слава богу, до этого мой эпатажный собеседник пока не додумался, иначе мне пришлось бы уворачиваться от его руки с кистью в масляной краске – мне уже хватило на сегодня испачканной блузки.

– Итак, давайте все-таки вернемся к краже картины, – остановила я разбушевавшегося Вольдемара. – Вчера вечером у вас было какое-то... торжество, так я понимаю? – Я указала подбородком на стол. Огородников согласно кивнул.

– Светский раут, так сказать, для своих, – подтвердил он. Мысленно я присвистнула. Вот это раут – столько спиртного, это ж не гулянка какая-то, а целое пиршество в честь бога – покровителя виноделия!

– Были только мои самые близкие друзья и Леночка, – продолжал Вольдемар, не замечая выражения моего лица. – Лена – это моя будущая супруга, я уже вам говорил.

– И кто еще был? – продолжала расспрашивать я. – Назовите имена и фамилии всех присутствовавших, а также мне нужна вся информация о них, какую знаете. Род занятий, место работы или учебы... В общем, расскажите мне о каждом из гостей вашего раута!

– Только не думаете же вы, что похититель картины – кто-то из моих друзей? – ужаснулся Вольдемар Огородников. – Быть этого не может! Все, бывшие на моем рауте, – проверенные люди, не то что Садальский! Вы лучше его проверяйте, это ж он виноват! Спер мою картину и, поди, продаст ее за громадную сумму или, того хуже, скажет, что он ее написал! Понимаете, этого ни в коем случае нельзя допустить!

– Садальского я тоже проверю, – попыталась я успокоить Вольдемара. – Если хотите, расскажите подробнее про этого человека. Кто он, почему вы подозреваете именно его – в общем, все, что знаете.

– Вот про этого наглеца я вам охотно все сообщу! – воодушевился Огородников. – Начать с того, что он лицемер, каких свет еще не видывал! Все изображал из себя преданного друга, соратника, так сказать, а за спиной сплетни про меня грязные распускал! Поначалу даже собирался со мной выставку совместную устраивать, вот как! А на самом деле знаете, чего он добивался? А я вам скажу! Садальский хотел занять мое место председателя тарасовского Союза художников и делал все возможное для этого! Он даже собирал подписи других художников, настраивая их против меня. Якобы я и выставки не провожу, и всевозможных мероприятий у меня мало... В общем, нашел к чему привязаться. Я ему прямо все это высказал, когда узнал, да и то, спасибо добрым людям, которые мне глаза на Садальского открыли! А он мне знаете, что заявил? Что я бездарный художник и картины мои – мазня! Ха-ха, да я ему в лицо рассмеялся. Кто мне такое говорит? Самоучка какой-то, который и кисть-то в руках держать не умеет! Да он может только как дрессированная обезьянка чужие картины перерисовывать, и все! Даже не копировать – копируют мастера, а сри-со-вы-вать! У Садальского нет ни своей манеры, ни своего видения – ничего! Он только и горазд, что открыточки бульварные штамповать! И этот бездарь решил стащить мою картину, сокровище всей моей жизни, в которую я душу свою вложил! Да он и грязью меня поливал только для того, чтобы на него подозрение не пало. Якобы зачем ему красть полотно, если моя живопись такая отвратительная? А я вот что скажу. Садальский завидовал мне всегда, поэтому и решил так отомстить!

– Имя-то хоть у этого Садальского есть? – спросила я. – Как мне к нему обращаться?

– Роман Андреевич его зовут, если вас интересует имя и отчество этого... бездаря! – выплюнул гневную фразу Огородников. Я сделала пометку в своем блокноте для записей.

– Где он проживает, вы знаете? – продолжила я выяснять контактные данные Садальского. Вольдемар Огородников пожал плечами с таким видом, словно отгоняя назойливую муху.

– Конечно же, знаю! – воскликнул он. – Еще бы мне не знать! Живет этот, с вашего позволения, маратель холстов недалеко от Союза художников. На улице Загородней, дом сорок пять. Квартира двадцать. Этот негодяй меня даже в гости как-то приглашал, а вы спрашиваете, знаю ли я его адрес!

– Замечательно! – улыбнулась я. – Насколько я понимаю, Садальского вы на фуршет не приглашали, так?

– Еще я стану приглашать его! – в сердцах возопил Огородников. – Да ни за что в жизни! Я на раут звал только самых близких своих друзей, соратников, так сказать. Чтобы в семейном кругу отпраздновать мою личную победу – признание моего таланта и выгодную сделку... Которая бы состоялась, не сотвори такой подлости Сададьский!

Заклинило его на этом несчастном Сададьском, подумала я про себя. Хотя сейчас мне было без разницы, злится Огородников на своего коллегу или нет – больше волновало другое.

– Итак, на вашей вечеринке было... сколько человек? – задала я следующий вопрос.

– Нас четверо собралось, – тут же сообщил Вольдемар. Про себя я присвистнула: надо же, вчетвером учинить такой бардак! Да тут бутылок спиртного хватит на то, чтобы срубить роту солдат! Не удивлюсь, если наша тарасовская богема наклюкалась до такого состояния, что никто и бровью бы не повел, если бы вынесли половину квартиры!

– Четверо, – повторила я. – Ваша будущая супруга Елена, вы и кто еще двое?

– Игорь Леонидович Трубнов и Сергей, – пожал плечами Огородников. – Если вас интересует, кто они по профессии, то Игорь Леонидович – адвокат, но в свободное время он занимается живописью. Собственно, это мой ученик, несмотря на отсутствие у него художественного образования, человек он весьма талантливый и все схватывает на лету. Помаленьку обучаю его живописи, точнее, не теории цвета или основам рисунка – нет, от меня такой банальщины не дождетесь! И не думайте, Татьяна Александровна, что я не знаю этих самых академических правил – я сыт ими по горло, за моими плечами – несколько художественных училищ, поэтому я прекрасно разбираюсь и в анатомии, и в цветоведении, и в перспективе. Но художником человека эти знания не сделают, вот что я вам скажу! Главное в картине – это собственная манера живописца, а не какие-то там правила. Да возьмите кого угодно из истории живописи – хоть Малевича, хоть Лентулова, хоть Пикассо. Что вы думаете, они не были обучены живописи в стиле реализма? Да у Казимира, к примеру, полно реалистичных пейзажей, и у Пикассо имеются ранние классические портреты... Но знаменитыми-то их сделали совсем другие картины! Возьмите Пабло Пикассо – да на нынешний день он едва ли не самый дорогой художник, если можно так выразиться! А все потому, что эти живописцы отошли от привычных канонов и стали новаторами в своей области искусства. Поверьте, уважаемая частный детектив Татьяна Иванова, людям уже приелись правдоподобные пейзажи и портреты – да что, у нас фотоаппаратов нет, что ли? А вот внутренний мир художника – это еще надо попотеть, чтобы отразить его на картине. Я и учу этому своих учеников – чтобы они не просто срисовывали, как дрессированные обезьянки, а чтобы передавали свое состояние, свое отношение к миру...

– Отлично, – перебила я, опасаясь, что, если Огородникова не остановить, он так разойдется в своих разглагольствованиях, что мы и до вечера с ним не разберемся, при каких обстоятельствах была украдена картина. – Кто по профессии Сергей и Лена? Какие у них полные имена?

– Сергей Марецкий окончил факультет философии и религиоведения нашего тарасовского университета, – пояснил Вольдемар Огородников. – В настоящее время он, так сказать, ищет себя. Свой путь, свое предназначение. У него, к сожалению, не сложилась личная жизнь – жена оказалась последней гадиной, выгнала его из квартиры и живет сейчас там со своим любовником. Она хитростью заставила Сергея подписать некие бумаги, по которым к ней перешла жилплощадь, а потом устроила скандал, обвинила мужа в измене и выгнала его на улицу. Представляете, какие люди бывают на свете? Сама живет с любовником, а на Сергея обвинение в измене повесила! Да таких людей отстреливать надо, изгонять их из общества, чтобы жизнь другим не портили!

– И где же сейчас живет Сергей? – поинтересовалась я. – У родителей?

– Нет, увы, родители Сергея в поселке живут, – покачал головой Огородников. – У Сергея в Тарасове тетка была, она ему квартиру и оставила. Пока Сергей учился в университете, он с

ней жил, потом тетка отдала богу душу, а Сергей женился. А женушка-то его квартиру у него оттяпала, вот он теперь по впискам и мотается...

«Бомжует то есть», – подумала я про себя. Интересно, какими судьбами он в среду художников-то затесался? Ладно, выясним это либо у Вольдемара, либо у самого Сергея.

– И как вы с ним познакомились? – поинтересовалась я.

– Сергей – бывший однокурсник Лены, – пояснил Огородников. – Они с университетских пор друзьями остались, ничего личного между ними нет и не было никогда. Леночка – натура творческая, весьма одаренная, она не только в живописи разбирается, но и превосходно поет, играет на фортепиано, танцует... Лена даже какое-то время на файер-шоу подрабатывала – у них команда была, на свадьбах выступали. Мне поэтому и пришла идея изобразить Леночку в образе богини огня – видели бы вы, как невероятно она смотрится, когда исполняет свой танец с огненными веерами! Точно жар-птица или феникс. Меня это настолько поразило, что свою картину я за один сеанс написал! Так вот, Леночка привела Сергея на выставку в Союз художников, там мы с ней и познакомились. Девушка она очень эффектная, яркая, и я сразу предложил ей поработать у меня моделью. Слово за слово, мы втроем нашли общий язык. Сергей мне тоже понравился – он очень хорошо разбирается в философии и глубоко мыслит. Весьма умный человек, с которым есть о чем поговорить. Вот только не повезло ему, как и Сократу. Знаете ведь, у того тоже жена мегера была! Поэтому Сократ и стал философом – а что ему оставалось делать с такой-то сварливой супругой!

– То есть Сергей этот не имеет сейчас своего жилья, – повторила я. – А как он вообще живет? Чем на хлеб зарабатывает? И потом, неужели у него так много друзей, у которых можно перекантоваться?

– Да говорю же вам, ищет он себя! – Огородников посмотрел на меня так, как будто я задала наиглупейший вопрос из всех, что только можно было представить. – Подрабатывает везде, где только может, а живет... Летом он вообще в лес выбирался с палаткой – досталась ему от тетки, там жил. Ну, мы ему, чем можем, помогаем. Зато на природе ему смысл жизни открылся – медитировал он там, вот что! А зимой где придется живет. И у меня иногда перекантуется, и у Игоря Леонидовича, даже в помещении Союза художников какое-то время жил...

– Отлично, рада за него, только где я смогу найти Сергея? – поинтересовалась я. – Если он то тут, то там появляется и неизвестно когда исчезает? Мобильный-то хоть у него имеется?

– Ну а куда ж без него? – хмыкнул Вольдемар. – Мобильные сейчас у всех, даже у нищих в переходе! А Сергей – не нищий, он милостыню не просит!

Ага, только бомжует да живет не пойми как и не пойми на что, съязвила я про себя. Вслух же сказала:

– Номер продиктуйте, – и после того, как записала комбинацию цифр, перешла к следующему действующему лицу вечеринки. То есть к этой «талантливой умнице-красавице» Елене.

– Теперь расскажите про вашу будущую супругу, – попросила я. – Елену, которая послужила вам моделью для картины. Какая у нее фамилия?

– Стрелкова, – отозвался Вольдемар Огородников. – Леночка – просто замечательная девушка, она не только моя муза и вдохновительница, но и помощница!

– Кто она по образованию, кем работает? – продолжала я свои расспросы.

– Леночка училась в университете, в том же, что и Сергей. Только специальность у нее была не философия, а чисто религиоведение. Хотя она, на мой взгляд, могла бы и карьеру в сфере искусства запросто сделать – ведь Лена сама в свободное время пишет маслом, замечательно чувствует цвет и создает потрясающие композиции. Еще она увлекается музыкой, танцами, в общем, человек искусства.

– Когда вы с ней познакомились?

– Около года назад, – прикинул в уме Вольдемар Огородников. – Я вам уже рассказал при каких обстоятельствах.

– Где проживает Лена? Скажите номер ее телефона, по которому я могла бы связаться с ней, – попросила я. Художник продиктовал мне номер мобильного и назвал адрес своей дамы сердца, я все быстро записала в свой блокнот.

– Итак, теперь мне хотелось бы услышать от вас, что происходило вчера вечером и сегодня утром на светском рауте, на котором, как вы полагаете, и была похищена картина, – заявила я.

Вольдемар Огородников вздохнул и начал свой рассказ.

– Все было как обычно – фуршет в честь удачной сделки, – сказал художник. – Мы собрались за этим столом, – он кивнул в сторону данного предмета мебели, – потом произносились тосты, как на любом празднике. Леночка мне с приготовлением блюд помогала, один салат она сама сделала, остальные мы заказывали. Было очень весело и по-домашнему, после еды Леночка предложила танцы организовать, правда, танцевала она одна, а все остальные смотрели. Она устала сильно от приготовлений, поэтому быстро... гм... ну, захмелела. Ближе к полуночи Леночка сказала мне, что хочет, чтобы я вызвал такси и проводил ее. Игорь Леонидович тоже засобирился домой. Сергей попросился остаться – он тоже слегка перебрал, и идти ему было некуда. Мы же перед этим еще закупили шампанское и вино, вышло многовато. Я позвонил в службу такси для Леночки, мы втроем вышли из дома, а Сергей остался в спальне. Я проводил Лену, попрощался с Игорем Леонидовичем и вернулся домой. Устал тоже, поэтому сразу лег спать на диван в гостиной, так и не убрав ничего со стола. Когда проснулся, Сергей уже был на кухне, кофе пил. Он сказал, что сейчас ему нужно идти, поблагодарил за вчерашний фуршет, и я проводил его до прихожей. Вернулся в гостиную, собираясь убрать со стола грязную посуду и выбросить мусор, и тут смотрю – картины моей нет! Сами понимаете, никто из гостей не мог ее даже физически унести с собой – Лену и Игоря Леонидовича я сам провожал, Сергей тоже не мог ее спрятать, она же не маленькая! Просто фантастика какая-то! Но я сразу на Сададьского подумал – поди, воспользовался удачным моментом, либо когда мы в магазин ходили, либо когда я Леночку провожал. Но тогда его бы заметил Сергей, хотя вполне могло статься, что он крепко уснул и не слышал, как дверь открывают. Ведь когда я вернулся, он даже не проснулся.

– То есть теоретически за весь вечер было два момента, когда картину могли украсть, – подвела итог я. – Когда вы пошли в магазин и когда провожали гостей домой.

– Скорее всего, когда провожал Лену и Игоря Леонидовича, – немного подумав, сказал Огородников. – Мне кажется, когда мы вернулись из магазина, полотно было на месте – надо спросить остальных, помнит ли кто точно... А вот поздно вечером я уже не смотрел на картину, поэтому вполне могло статься, что ее уже и не было.

– Во сколько вы ушли провожать гостей? И в котором часу отправились в магазин?

– В магазин – точно не помню, наверно, в восемь или девять вечера, – пожал плечами Огородников. – А Лену я провожал в двенадцать часов, можно даже посмотреть, во сколько я в такси звонил... Минуту...

Вольдемар Огородников достал телефон и внимательно проглядел телефонную книгу.

– Ага, звонок был в двенадцать десять ночи, такси приехало через четыре минуты, – сообщил художник. – Я посадил Леночку в машину, потом прошелся где-то с кварталом с Игорем Леонидовичем, мы как раз беседовали с ним о предназначении искусства в современном мире. Тема оказалась интересной, поэтому мы и не расходились. Да и погода стояла неплохая – днем моросил дождь, а ночью он прекратился. Звезд, правда, на небе не было, зато не холодно и не сыро... Как нельзя лучше для прогулок. Вот мы и не спешили расходиться, да и спать еще не хотелось. Только после того как наконец распрощались, я понял, что сильно устал, хотя

сперва подумывал, а не засесть ли за холст и краски, чтобы работать всю ночь. Но оказалось, что живописью заниматься нет сил, поэтому я дошел до дома и лег спать.

– А не помните, когда вы проснулись и Сергей еще не ушел из вашей квартиры, картина была на месте? – поинтересовалась я.

Огородников пожал плечами.

– Я сразу на кухню отправился, – пояснил он. – Не смотрел ни по сторонам, ни на стены...

– Где висела ваша картина до исчезновения? – продолжала я расспрашивать художника. Тот подошел к стене и ткнул пальцем в пустовавшее пространство. Признаться, я сразу и не поняла, что тут место для картины, так как полотно было так много, что от них рябило в глазах, и создавалось ощущение, что свободного места на стенах и вовсе нет. Оказывается, то был обман зрения – судя по размеру дыры между картинами, полотно Огородникова было не слишком большого размера, приблизительно шестьдесят сантиметров в ширину.

– Напомните, когда была написана картина? – попросила я Огородникова. Тот ответил практически сразу.

– Два с половиной месяца назад, – сказал он. – Я сразу понял, что это самая моя удачная работа, и поместил ее на выставку в картинную галерею. Там, собственно, ее и увидел мой будущий покупатель. Картина настолько поразила его, что он узнал у администратора галереи мой номер телефона и позвонил мне с просьбой встретиться. Я пригласил его в офис Союза художников, и он пояснил, что хотел бы не только купить именно эту картину, но и пару к ней – что-нибудь в холодных тонах, но такого же размера. Он сказал, что хочет приобрести именно мою работу, чтобы картины гармонировали по технике и манере исполнения. Я показал ему свои работы на фотографиях, ему вот эта вещь понравилась, – Огородников показал мне на полотно, написанное в столь же экстравагантной манере, что и остальные творения художника. В этой мешанине синего и зеленого я не смогла понять, что хотел изобразить Огородников, но воздержалась от комментариев.

– Правда, когда он увидел эту картину, то сказал, что хочет такую же, но меньшего размера, – вздохнул Огородников. – Вроде как мне надо сделать уменьшенную копию работы. Но я не могу написать вторую точно такую же картину – ни одна из моих работ не повторяется, они единственные и уникальные в своем роде! Я объяснил это своему покупателю, но тот очень настаивал, чтобы я создал подобную вещь. Я пообещал ему постараться, специально подготовил холст нужного размера, но пока так и не приступил к созданию картины. Нет вдохновения – что тут скажешь!

– Когда у вас был этот ваш покупатель? – полюбопытствовала я. – И как его зовут, назовите мне его контактные данные!

– Он приехал из Англии, специально, чтобы изучать русское искусство, – пояснил художник. – Побывал и в столице России, а потом решил поехать по другим городам. Насколько мне известно, прежде чем добраться до Тарасова, он путешествовал и по Нижнему Новгороду, и по Костроме, был в Волгограде, Хвалынске... Но по его собственным словам, только тут, в Тарасове он нашел именно то, что искал – картину, которая создана специально для него. То есть я имею в виду «Богиню огня». Поэтому после покупки картины он собирался вернуться к себе на родину, в Туманный Альбион.

– Вот как, – протянула я. – Как его зовут?

– Карл Вагнер, – сообщил Огородников. – У меня есть номер его мобильного телефона, которым он пользуется в России. Записывайте...

Художник продиктовал мне номер, после чего поинтересовался:

– Позвольте узнать, каковы будут ваши дальнейшие действия? Мне срочно нужна моя картина, хотя и жалко ее продавать. Вторую такую же я точно не смогу написать. Но утешаю себя тем, что в результате продажи моего полотна мое имя станет известно не только в России, но и за границей! Поэтому картина нужна мне позарез!

– Для начала я хотела бы осмотреть место преступления, – заявила я. – То есть вашу гостиную. А заодно и остальные комнаты дома.

– Осматривайте, – пожал плечами Огородников. – Я для этого ничего не убирал, как вы видите.

Конечно, не сомневаюсь, что порядок тут пока не наводили, заметила я про себя. Кивнув художнику, я надела специальные перчатки, дабы не оставить отпечатки своих пальцев, и приступила к осмотру помещения.

Как я и предполагала, женский шарфик принадлежал Лене, о чем мне и сообщил Вольдемар Огородников. Девушка попросту забыла его, поэтому я положила данный предмет одежды в свою сумку для улик. Вольдемар поинтересовался, зачем мне шарф его будущей супруги, ведь следует вернуть его хозяйке, но я воздержалась от комментариев. До Огородникова дошло, что сейчас он только мешает мне осматривать гостиную, поэтому вышел в коридор. Постоял там несколько минут, понаблюдал за тем, как внимательно и осторожно я осматриваю каждую вещь в гостиной, а потом ему это наскучило, и он прошел в кухню. Про себя я порадовалась – не люблю, когда кто-то стоит над душой и дышит в затылок, предпочитаю проводить осмотр помещений и поиск улик в одиночестве.

Я сфотографировала на камеру висящие на стене картины художника, пустое место, где до этого висела «Богиня огня», потом перешла к стеллажам с посудой. Как ни странно, столовые приборы не относились к современным предметам обихода – к примеру, тарелки с изображенными на них заснеженными домиками явно были старинными. При этом раритетная посуда соседствовала с обычной, из чего я сделала вывод, что Огородников понятия не имеет о ценности старинных тарелок. Стоит лишь посмотреть на толстый слой пыли – если бы художник заботился о сохранности посуды, то минимум раз в месяц протирал бы полки шкафа. Лену бы свою попросил, на худой конец, раз сам не хочет с уборкой связываться. Ну да ладно, это личное дело самого Огородникова, моя задача – осмотреть место происшествия и желательно найти улики.

Я тщательно исследовала беспорядочно валявшиеся вещи, но пока ничего необычного так и не обнаружила. Внимательно изучила палас – вдруг что-нибудь найду? – но, помимо грязи и пыли, не отыскала ничего серьезного. Далее я вознамерилась осмотреть пространство комнаты, заставленное свежими работами Огородникова, которые не поместились на стены. Полотна были похожи как близнецы – такая же мазня, только краски разные. Увесистые стопки картин – и куда ему столько? Вот не жалко же краску переводить! Насколько я знаю, тюбики масляных красок сейчас не самые дешевые. Интересно, каким образом Огородников изыскивает средства для занятий живописью? Кто-то из великих говорил, что живопись – дорогая любовница, берет много, а отдает мало. Весьма справедливо и для наших времен – стоит зайти в любой магазин товаров для хобби и творчества, как поразишься ценам на всевозможные приспособления для создания шедевров. А живопись маслом – наверняка одна из самых затратных сфер искусства.

Я уже смирилась с тем, что, кроме беспорядка и обилия вещей, ничего не найду в квартире Огородникова, и просматривала полотна быстро, так сказать, для галочки. Исследовав вторую стопку, я занялась третьей – той, что стояла под пустым местом для картины. Так, что там у нас... Ага, картины, картины и еще раз картины. Если это можно так назвать, думаю, пятилетний ребенок бы нарисовал получше, чем этот председатель Союза художников.

В стопке было так много работ, что пришлось их переключивать на пол, потому что осматривать было очень неудобно. У меня в глазах рябило от всей этой огородниковской живописи, хотя я и не пыталась рассматривать, что изображено на полотнах. Да и неблагоприятное это дело – все равно не разберешь. Мне-то нужна информация не о содержании картин Вольдемара Огородникова, а о том, кто мог стащить его «шедевр».

Садальский? Предположим, Огородников прав, Роман Андреевич терпеть не может председателя Союза художников и решил таким образом навредить ему. А что, вполне может стать, художники – народ странный, непредсказуемый и злопамятный. Обиды помнят и мстят, к тому же, учитывая то, что каждый живописец считает себя венцом творения и гением, версия с Садальским имеет право на существование.

Гости Огородникова – могли они стащить работу? Лена с Игорем Леонидовичем как-то не слишком подходят для кражи – хотя бы по той причине, что Огородников не мог бы не заметить, как они выносят картину из квартиры. Другое дело, если кто-то из них, спрятав полотно где-нибудь на лестничной площадке, позже вернулся и забрал его? Но когда? Во время выхода в магазин? Тогда бы Огородников заметил исчезновение картины, ведь после этого они еще выпивали и ели, и художник не мог не заметить пустое место на стене. Остается вариант, что картина пропала в тот промежуток времени, когда Вольдемар провожал Лену с Игорем Леонидовичем. Тогда картину похитил Сергей. Вышел из дома художника, припрятал ее, а утром забрал и отнес куда надо.

Садальский, конечно, тоже мог проникнуть в дом Огородникова – не только я пользуюсь отмычками. Но откуда ему было знать, что именно в десять минут первого ночи Вольдемар Огородников отправится провожать гостей? Насколько я понимаю, это вышло спонтанно – Леночка слишком много выпила и попросила вызвать ей такси, а Игорь Леонидович решил, что на этом посиделки окончены и можно возвращаться домой. Что, Садальский все это время сидел на лестничной площадке и караулил квартиру Огородникова? Так это какую выдержку надо иметь! На его месте я бы придумала вариант попроще, чтобы стащить картину. В крайнем случае, кражу можно совершить в то время, когда Огородников находится в Союзе художников. Живет он один, взять такси или доехать на своей машине – дело пяти минут, а там – отмычки, открытие двери и транспортировка полотна... Зачем создавать себе дополнительные трудности и пытаться выкрасть картину во время вечеринки? А если бы Леночка не попросила вызвать такси и осталась бы ночевать у Вольдемара, как и Сергей? И Игорь Леонидович не стал бы напрашиваться в компанию Вольдемара, а покинул бы его дом один? Или если бы дружная компания вовсе не легла спать, Огородников усадил бы Леночку и принялся писать с нее очередной шедевр, а Сергей рассуждал бы на философские темы? Получается, что стащить картину некогда. На что вообще надеялся Садальский, если все было так непредсказуемо?

Вопросы, вопросы и еще раз вопросы. И пока ни на один из них у меня нет ответа. Вроде как дело простенькое – найти пропавшее полотно, что тут долго думать? А выходит, совсем ничего не ясно, и у меня не имеется более-менее стройной теории по поводу произошедшего. Да, стоит взяться за расследование, иначе получится, что я испугалась трудностей и отказываюсь по той простой причине, что не знаю, как подступиться к делу.

Я собиралась навеститься к Садальскому – это было очевидно. У него есть мотив, однако неизвестно, каким образом он провернул кражу. Ладно, оставим эти вопросы на потом – во время визита к Роману Андреевичу, думаю, разберусь.

Я уже собиралась поставить полотно на место, как вдруг мое внимание привлекло нечто блестящее на полу. Я быстро наклонилась и подняла маленький сверкающий предмет, на первый взгляд напомнивший мне пуговицу. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что никакая это не пуговица и даже не брошь. В моей руке скромно поблескивала круглая, весьма элегантная запонка с темно-зеленым кругом-украшением в середине.

Насколько мне известно, в наше время запонки носят далеко не так часто, как раньше. Вещица, которую я держала в руках, имела довольно распространенный механизм крепления, который выбирают из-за простоты и дешевизны. Если раньше запонки носили практически все представители мужского пола, то в наши дни рубашки с ними предпочитают люди, которым важно показать свой изысканный вкус и положение в обществе.

Я задумалась. На найденной мною запонке механизм типа T-Bar Clip, а это самый дешевый вариант. Сделана она точно не из золота или серебра, а из обыкновенного металла, следовательно, выполняет чисто декоративную функцию. Вроде как человек хочет продемонстрировать окружающим, что он успешен и знает себе цену, однако на самом деле данный господин не так состоятелен, как кажется на первый взгляд. Будь он успешным бизнесменом, выбрал бы себе запонку с механизмом Fixed Bar или запонку, которая крепится к цепочке. И тогда бы он точно ее не потерял, ведь вышеперечисленные запонки крепятся куда прочнее, чем найденный мною простенький аксессуар. К тому же человек материально благополучный купил бы себе запонки из драгоценных металлов. Следовательно, тот, кто обронил данную вещь, совсем не так богат, как хочет казаться. Хотя если запонка принадлежит Вольдемару, то все понятно. Показная важность, эпатаж – всем этим грешит Вольдемар Огородников, следовательно, и запонками он обзаведется, чтобы продемонстрировать окружающим свою неординарность. Поэтому я решила спросить, кому принадлежит найденная мною деталь.

– Никогда не носил такие, – пожал плечами художник, когда я показала ему свою находку. – Вообще запонками не пользуюсь, да кто сейчас их носит?

– Оказывается, носят, – заметила я. – Вы точно не знаете, откуда она взялась в вашей квартире? Не видели подобные у своих друзей?

– Да вы что, смеетесь, что ли? – хмыкнул живописец. – Мы ж в двадцать первом веке живем, а не в девятнадцатом! Это тогда, ну, или в двадцатом там запонки носили. Сейчас разве что в музее такие раритеты хранятся.

– Данная вещь не является антиквариатом, – заметила я. – Она вполне современная, и вы не правы, если полагаете, что в наши дни запонки никто не носит. Напротив, они становятся все более популярными – как известно, мода возвращается! Если мужчина хочет продемонстрировать окружающим свое чувство стиля и значимость, то он купит к рубашке запонки, а не станет пользоваться пуговицами. Но, как вы можете видеть, данная деталь гардероба весьма заурядна, поэтому ее и обронили, даже не заметив. Я нашла запонку на полу, под тем местом, где висела ваша картина. Отсюда я могу сделать вывод, что человек, похитивший вашу работу, носил рубашку с запонками. Весьма возможно, что когда он снимал работу со стены, то задел рукой за раму другой картины, вот запонка и отстегнулась от манжета. Если бы этот мужчина – а запонки используют в основном представители сильной половины человечества, в гардеробе женщин это редкое явление, – предпочитал дорогие запонки с более надежным креплением, то он бы не потерял ее. Припомните, носит ли ваш Сададьский рубашки с запонками? Вы должны были заметить их, они ведь отличаются от обычных пуговиц!

– Ну, рубашки он любит, – с сомнением проговорил Огородников. – Однако носит запонки или нет, точно сказать не могу. Как-то не смотрел на рукава, поэтому не знаю.

– А ваши друзья? Скажем, Игорь Леонидович, может, он носит одежду с запонками? О Сергее молчу, он вряд ли такое наденет... Учитывая его нынешнее положение с жильем...

– Ну, Сергей вообще довольно редко носит рубашки, – пожал плечами Огородников. – А Игорь Леонидович... В принципе он адвокат, всегда одет с иголочки. Конечно, когда живописью занимается, надевает что попроще, чтоб не жалко было испачкать. Может, у него и имеются запонки... Но... вы же не хотите сказать, что это он украл мою картину? Даже если запонка принадлежит ему, наверняка это Сададьский ее подкинул! Хотел, чтобы подозрение пало на моих друзей, вот и все!

– Может, запонку и подбросили для отвода глаз, – не стала я исключать подобный вариант. – Однако вначале надо установить, чья она, а потом разбираться, каким образом попала в вашу квартиру. То есть вы утверждаете, что данная вещь вам не принадлежит, вы ее никогда не видели и не знаете, чьей она может быть?

– Именно, – кивнул Огородников. Я осторожно положила запонку в пакет для улики и продолжила осмотр квартиры.

Провозилась я около часа, однако запонка неизвестного происхождения оставалась единственным моим достижением. Закончив с процедурой осмотра, я сообщила Огородникову, что берусь за его дело, и попросила держать меня в курсе событий.

– Сообщайте обо всем, что покажется вам странным и непонятным, – сказала я напоследок художнику. – Или то, что на первый взгляд не вызывает никаких сомнений и вопросов. Например, о возникновении новых учеников, покупателей или о каких-то происшестввах. В общем, вы меня понимаете.

– Понимаю, – отозвался Огородников. – И все-таки, когда вы найдете мою работу? Что мне сказать покупателю?

Вот заладил свое, подумала я с раздражением. Хотя привыкла к тому, что клиенты порой бывают не слишком понятливыми, поэтому научилась держаться со всеми подчеркнуто спокойно, не выказывая своего недовольства.

– Я сделаю все возможное, чтобы разыскать вашу картину как можно скорее, – заверила я художника. – Но сами понимаете, расследование – штука непредсказуемая, никогда не знаешь, каким окажется то или иное дело.

– И все же, попытайтесь отыскать мое произведение в ближайшие дни! – попросил Огородников. – Заплачу, сколько скажете, для меня это очень важно! Вы представить себе не можете, какой это удар для меня – и не только потому, что я собираюсь продавать картину. В нее ведь вложено столько чувств, столько мыслей и идей... Это самое лучшее мое полотно, другого такого никто и никогда не напишет!

– Да-да, я вас поняла! – сказала я. На этом мы распрощались – я покинула квартиру гения современного искусства, а тот вернулся к своему холсту и продолжил малевать очередной шедевр...

Глава 2

Визит к Сададьскому пришлось отложить на следующий день. Осмотр квартиры Огородникова затянулся на довольно длительное время, и, когда я позвонила конкуренту Вольдемара по телефону, было уже около восьми вечера. Сададьский не брал трубку, и я сделала вывод, что либо художник спит, либо так сильно занят, что у него нет времени ответить на звонок. После того как я побывала у Огородникова, у меня возникло ощущение, что художники Тарасова частенько устраивают фуршеты-гулянки, и автоматически причислила Сададьского к любителям увеселительных мероприятий. Спустя полтора часа Роман Андреевич сам перезвонил мне, и голос его был трезвым, без намека на то, что он употреблял что-то крепче чая. Он поинтересовался, кто я и по какому поводу звонила.

– Меня зовут Татьяна Иванова, и я хотела бы побеседовать с художником Романом Андреевичем Сададьским, – представилась я в трубку. – Я журналист газеты «Тарасовские вести», веду рубрику «Культура». Тема моей статьи – живопись в Тарасове в наши дни. Скажите, удобно ли вам дать мне небольшое интервью?

– Сегодня – вряд ли, а завтра – почему бы и нет, – проговорил тот равнодушным тоном. По его голосу было непонятно, хочет ли он попасть на страницы газеты или ему абсолютно безразличны известность и признание.

– Во сколько можно подъехать? – поинтересовалась я.

– Утром, до двенадцати я свободен и буду дома, – отозвался тот. – Но прошу приезжать не ровно в двенадцать, а раньше, иначе у меня не останется времени ответить на ваши вопросы.

– Хорошо, вас устроит, если я подъеду к девяти утра? – предложила я.

Сададьский заявил, что такое время ему удобно, продиктовал мне свой адрес, который уже имелся в моем блокноте, и на этом мы распрощались.

Утром, сидя с чашкой крепкого эспрессо и сигаретой в руках, я включила компьютер и открыла пустую страницу Интернета. Интересы ради забила в поисковик фамилию и инициалы Сададьского и сразу открыла страницу, посвященную биографии художника. Огородников отзывался о своем коллеге как о бездарном самоучке, однако тот факт, что в базе Интернета имеются сведения о Сададьском, о чем-то уже говорит.

Я пробежала глазами скупую биографию Романа Андреевича. Родился он в 1967 году в Тарасове, в 1991 году окончил Российский государственный гуманитарный университет по специальности «культурология». С двенадцати лет Сададьский учился в детско-юношеской художественной школе Тарасова, которую окончил в семнадцать лет. Никакого художественного училища Роман Андреевич не посещал, однако в выставках и конкурсах участвовал, причем не безрезультатно. Число выставок, в которых принимал участие Сададьский, насчитывало не менее десятка, и, судя по всему, отсутствие художественного образования не помешало ему называться тарасовским живописцем. Я проглядела названия выставок, сделала кое-какие пометки в своем блокноте и закрыла страницу.

Допив вторую чашку крепкого кофе, я начала собираться. Несмотря на то что проснулась я в половине седьмого, за своим обычным завтраком в компании со Всемирной сетью я порядком засиделась, и следовало уже готовиться к визиту к Сададьскому. Я выбрала на сегодня строгий костюм – юбку и пиджак, посчитав, что журналистка так и должна выглядеть, – пожалела, что на улице осенняя слякоть и я не смогу надеть свои любимые туфли на невысоком, но изящном каблучке. Волосы забрала в высокий хвост, гладко зачесав отросшую челку наверх, на шею надела скромную золотую цепочку с кулончиком в виде парусника. Весьма довольная своим внешним видом, я вытащила из шкафа клетчатое полупальто и черные сапожки. Все равно еду на машине, по грязи топтать, надеюсь, не придется, поэтому можно надеть элегантную обувь, а не привычные ботинки спортивного типа. Облик журналистки дополнила

весьма изящная сумочка-клатч, в которую помимо блокнота для записей и ручки отправились «жучки» и отмычки в футляре из-под губной помады. Мой походный «набор шпиона», без которого я не мыслила ни одного расследования, запросто мог уместиться даже в небольшом кошельке. И никому бы и в голову не пришло, что в нем находятся не просто банковские карты и денежные купюры, но и прослушки с отмычками. Немного подумав, я достала фотоаппарат и повесила его на шею, чтобы более соответствовать выбранной мною роли. Закончив с приготовлениями, я спустилась на лифте на первый этаж своего дома и вышла на улицу.

Утро выдалось хмурым и безрадостным. Как и вчера, моросил несильный, но постоянный дождь, а небо затянули плотные, гнетущие облака. В этом году природа отчего-то отказалась баловать жителей Тарасова улыбочивыми деньками золотой осени с прозрачным голубым небом и золотистыми кронами деревьев. Нет, весь сентябрь, а затем и октябрь небо всхлипывало и рыдало, ни разу так и не показав жизнерадостных солнечных лучей. И как результат – повсюду грязь, слякоть и мешанина из мокрой земли и опавшей тусклой листвы.

Я завела машину и выехала на дорогу. До улицы Загородней добралась быстро – пробок, как ни странно, в это время не было. Меня данное обстоятельство только порадовало, и я припарковала свою «девятку» возле круглосуточного продуктового магазина, рядом с которым и находился нужный мне дом под номером сорок пять.

В двадцатой квартире меня уже ждали – на звонок домофона ответили сразу, и дверь открылась. Я вошла в светлый подъезд и вызвала лифт.

Садальский оказался невысоким мужчиной с пронзительным взглядом серо-голубых глаз и редкими волосами, кое-где тронутыми сединой. Выглядел он на свой возраст – ни моложе, ни старше. Никакого эпатажного внешнего вида или специфической одежды, выдававшей в нем натуру творческую, неординарную – если бы я не знала, что по роду занятий он художник, то не догадалась бы. Скорее, он походил на преподавателя университета – довольно строгий серый костюм из брюк и жилетки, бледно-голубая рубашка. Мой взгляд сразу приковали манжеты рубашки, однако никаких запонок или следов, что Садальский их использовал, не было. Конечно, глупо думать, что у него имеется только одна рубашка – к примеру, похищать картину он мог бы и в другом костюме. Я про себя подумала, как бы мне половчее спросить у него про найденную мною запонку, чтобы Садальский раскололся, если, конечно, сия вещь принадлежала ему. Но пока дельных мыслей в голове у меня не было, и я решила действовать по обстоятельствам.

– Здравствуйте, – спокойно поздоровался со мной художник. – Вы мне ведь вчера звонили, так? Татьяна... как вас по батюшке?

– Александровна, – сообщила я. – Приятно познакомиться, Роман Андреевич.

– Проходите, – радушно пригласил он меня. – Где вы предпочитаете беседовать? В зале или на кухне?

– Мне не принципиально, – пожала я плечами. – Разве что попрошу вас продемонстрировать какие-нибудь ваши работы для фотографий. Вы ведь здесь картины пишете?

– У меня есть собственная мастерская неподалеку, – пояснил Садальский. – Если вас интересуют все картины, в том числе и ранние, то я бы вас пригласил туда. В этой квартире у меня тоже есть некоторые этюды, но если их недостаточно, то отправимся в мастерскую.

– Посмотрим, – неопределенно пожала я плечами.

Садальский решил, видимо, что лучше разговаривать с журналисткой на кухне, поэтому пригласил меня туда. Чистые, опрятные и убранные комнаты составляли яркий контраст с беспорядком в доме Огородникова. У Садальского же стены не были измазаны краской, скатерть на столе не была заляпана пятнами от кофе и жирной еды, а на полу – никакой пыли или грязи. Интересно, художник живет один или с супругой или родителями? Если первое предположение верно, то он превосходно умеет поддерживать порядок и явно заботится о сохранности собственных вещей. Может, в душе Роман Андреевич – педант? Судя по всему, он не

курит – я не учуяла в квартире запаха табачного дыма, не увидела пачек сигарет на столе и пепельниц. Может, ведет здоровый образ жизни? Увлекается йогой и вегетарианством, а в свободное от практик время пишет картины? Но тогда зачем ему воровать «шедевр» Огородникова? Насколько мне известно, люди, стремящиеся к гармонии и внутренней осознанности, не допускают разрушительных чувств вроде зависти, обиды и гнева. Ладно, посмотрим, что он мне сам расскажет...

Сададьский галантно предложил мне сесть на стул и поинтересовался, не желаю ли я выпить чаю или кофе. Я согласилась, и он включил электрический чайник, который закипел довольно быстро. По моей просьбе Роман Андреевич положил в чашку две ложки черного кофе, себе заварил зеленый чай без всяких добавок. Когда напитки были разлиты по чашкам, я решила приступить к своему интервью.

– Читателей нашей рубрики интересуют вопросы, связанные со становлением творческих натур, – начала я. – Скажите, вы учились в художественной школе или училище?

– Художественную школу окончил в детстве, – повторил Сададьский уже знакомую мне информацию. – С дальнейшим художественным образованием не сложилось. Я учился на факультете культурологии в гуманитарном институте, позже поступил в художественное училище имени Рериха в Санкт-Петербурге. Увы, не окончил его, хотя учиться мне нравилось, но обстоятельства сложились так, что пришлось возвращаться в Тарасов. Так что после полутора лет учебы училище я бросил, в Тарасове какое-то время работал, потом поступил в декоративно-прикладное училище, но и его не окончил. Тоже учился полтора года, но так как заведение было коммерческим, из-за материальных трудностей пришлось бросить учебу и идти работать. Живопись я никогда не рассматривал в качестве источника дохода – писал картины, а точнее, этюды, только чтобы отвлечься, потому что нравилось. Судьба сложилась таким образом, что я свел знакомство с нашими тарасовскими художниками, среди них у меня появились хорошие друзья. Мы вместе и в Хвалыньск на этюды летом ездили, и в другие города. Так и вышло, что я стал принимать участие в выставках и благодаря этому получил членство в тарасовском Союзе художников. Точнее, началось все с того, что я попросту стал посещать Союз художников, чтобы заниматься рисунком. Это было около пятнадцати лет назад. Председателем был покойный (Царство ему Небесное) Федор Иванович Глухов, замечательный человек и выдающийся живописец. Вы наверняка знаете его пейзажи – он очень любил писать Волгу. Федор Иванович и организовал курсы рисунка при Союзе художников, куда мог записаться любой желающий. Иногда он сам проводил занятия, и все ученики стремились попасть на его уроки. У Федора Ивановича имелся настоящий талант к преподаванию. Даже самые скучные и неинтересные вещи вроде начертательной геометрии, построения геометрических тел в пространстве он мог объяснить доходчиво и понятно. Только благодаря ему я полюбил рисунок, который, по сути своей, является основой живописи. Федор Иванович заботился о том, чтобы у нас всегда были модели для портрета и фигуры, приглашал своих знакомых натурщиков и просто людей, которые могли по нескольку часов позировать. Он даже курсы масляной живописи при Союзе организовал. По понедельникам, с семи до десяти вечера, мы писали натюрморты маслом в различных техниках, а летом выходили на пленэры. Ни в одном художественном заведении я не получил столько знаний, как на этих занятиях. Мы все жалели, что живопись преподается только раз в неделю, и Федору Ивановичу приходилось буквально выгонять нас из мастерской по домам – никто не хотел уходить, трех часов было слишком мало... Его смерть – тяжелая потеря для всех творческих людей Тарасова. Я сомневаюсь, что в нашем городе найдется человек, который сможет продолжить дело Федора Ивановича.

– Но сейчас председателем Союза художников является Вольдемар Огородников. – Я плавно перевела беседу на интересующую меня тему. – Как вам кажется, он хороший кандидат для этой должности? Вы ведь знакомы с ним, раз посещаете Союз художников?

– Признаться, я теперь не прихожу туда так часто, как раньше, – со вздохом произнес Сададьский. – И не только потому, что сменился председатель, хотя и это сыграло свою роль. Увы, Огородников – не такой выдающийся художник, как Глухов. Я бы сказал, что он совсем не художник. Вольдемар Огородников, в отличие от меня, имеет художественное образование, однако свои способности, которые у него наверняка были, он попросту загубил на корню. Я не понимаю этого человека. Точнее, мне ясны его намерения – стать новатором нынешней живописи, создать нечто новое. Однако в погоне за новшествами он переусердствовал. Если вы видели картины Огородникова, то понимаете, о чем я говорю. Оно, конечно, и хорошо – работать в своем собственном стиле. Однако его работы больше напоминают непонятную мазню, чем картины. И при всем этом Огородников ведь может писать нормальные этюды – я видел его ранние пейзажи и портреты. Выполнены грамотно, реалистично, все на своем месте. Есть и передний план, и дальний, правильно расставлены акценты, тени мягкие и глубокие, передний план – контрастный... В общем, вполне хорошие, зрелые этюды. Но сейчас... Что он сделал со своей живописью! В погоне за эпатажем Огородников начал малевать, как ребенок дошкольного возраста, и при этом он гордится своим придуманным направлением в искусстве! Получается какая-то сказка про голого короля. Кто пытается сказать ему, что его работы – это ужас крошечный, тот, значит, ничего не понимает в искусстве и вообще не разбирается в живописи. Вы уж извините, что я такое говорю о своем, так сказать, коллеге, но Огородников – просто выскочка, а не художник! Все делает напоказ и ведет себя соответствующим образом. Ничего собой не представляет, зато пафоса и самоуверенности хоть отбавляй. И врет постоянно... Не пойму, почему народ из Союза художников не изберет другого председателя, потому как Огородников, если продолжит вести себя так, как раньше, попросту развалит всю организацию!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.